

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Самые страдающие в Средневековье? 6

ЧАСТЬ I. ЕВРЕИ ПОД ВЛАСТЬЮ КОРОНЫ

И ЦЕРКВИ 11

Глава 1. «Не должны терпеть никакого ущемления»:
папство и евреи 13

Глава 2. «Принадлежат нам по нашей воле»:
евреи в королевских законах 33

Глава 3. Вопреки «доносам зложелателей»:
защита от наветов и насилия 40

ЧАСТЬ II. ДОБРЫЕ СОСЕДИ:

ИУДЕО-ХРИСТИАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТЕЛИ И НА РЫНКЕ 61

Глава 4. «Община была единой семьей»:
повседневность на службе апологии 63

Глава 5. Еврейский квартал: тюрьма
или убежище? 68

Глава 6. Поношение христианской веры через
возлежание с монахиней 78

Глава 7. Вино, мясо и хлеб: пищевые запреты
и нарушения 86

Евреи и нееврейская еда: законы и практика 86

Христиане и еврейская еда 91

Мусульмане о кашруте и покупке мяса
у евреев 94

Экономическая подоплека: мясные рынки
в Короне Арагона 96

ЧАСТЬ III. МЕЖДУ ЭККЛЕСИЕЙ И СИНАГОГОЙ: АПОСТАТЫ, ПРОЗЕЛИТЫ И ПОЛЕМИКА УСТАМИ ВЕРООТСТУПНИКОВ	103
Глава 8. Основные вехи иудео-христианской полемики в Средние века	105
Глава 9. Прозелиты, апостаты и судьба евреев Европы	129
Бодо-Элеазар, «совращенный врагом рода человеческого»	131
Джованни-Овадия: «Не раньте его словами»	141
Йегуда-Герман: «Свет христианской веры вдруг засиял в моем сердце»	149
Профиат-Гоноратус: «Не будь как твои отцы» «Со смятенным сердцем»: от папского беспокойства до изгнаний	157 163
ЧАСТЬ IV. КРОВЬ ЗА КРОВЬ: НАСИЛИЕ И МУЧЕНИЧЕСТВО, РЕАЛЬНЫЕ И ВООБРАЖАЕМЫЕ	169
Глава 10. Креативная юдофобия в фольклоре и искусстве	171
Рога, копыта и «смерд иудейский»	173
Евреи на средневековых миниатюрах	177
Judensau в текстах, ритуалах, изображениях	182
«Кричит сова, предвестница несчастья»	187
Глава 11. Агрессия в праздник Пурим: символическая и несимволическая	191
«Кровожадные и душегубные упования»?	191
Просвещенная стыдливость	200
Глава 12. Кровавый навет и другие «черные мифы» с участием детей	210
Подмастерье Уильям и творческий гений монаха Томаса	210
Утопленник, граф, графиня и таинственная дама Пульцелина	216
Симонино и кладезь чудовищных признаний	219
Гвардейское дитя и план Торквемады	224

Меркантильные матери и евреи как Синие Бороды	228
Глава 13. От апологии до скандала: история изучения кровавого навета	235
Глава 14. Погромы, мученичество и мессианские ожидания	257
Imitatio Abrahami.	257
Иерархия пространства и мученичество как обряд перехода	263
Ladies first: отговорка невежеством?	275
Глава 15. Умереть нельзя обратиться, истребить нельзя обратить. Ашкеназы и сефарды перед лицом смерти и в ожидании Мессии . . .	289
Словарик часто встречающихся в книге терминов	316

Часть I
Евреи под властью
короны и церкви

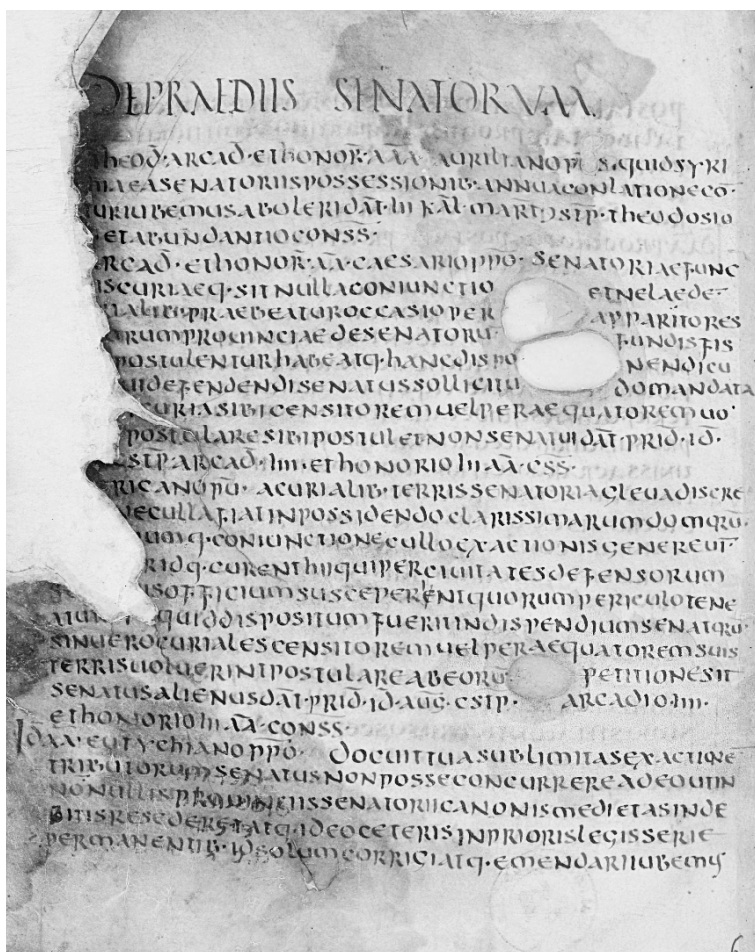
Глава 1

«НЕ ДОЛЖНЫ ТЕРПЕТЬ НИКАКОГО УЩЕМЛЕНИЯ»: ПАПСТВО И ЕВРЕИ

Жизнь евреев в средневековой Европе регулировалась законами — за исключением тех многочисленных случаев, когда эти законы игнорировались или нарушались. Если частная жизнь еврея, жизнь его семьи и общины — религиозная практика, взаимоотношения супругов, внутреннее налогообложение, общинные должности и прочее — регулировались еврейским правом, галахой, то взаимоотношения с христианами, статус евреев как подданных и права еврейских общин регулировались законом христианским — церковным и королевским законодательством, а также привилегиями, жалованными грамотами, указами и прочими правовыми актами локальных властей: феодалов, епископов, городских советов.

Как известно, средневековая цивилизация во многом являлась продуктом так называемого варварско-римского синтеза, результатом постепенного усвоения античного наследия германцами, расселившимися и создавшими королевства на территориях Западной Римской империи. Законодательство о евреях тоже было таким продуктом и имело два источника: римское право, повлиявшее на церковное, или каноническое, и варварское обычное право, вместе с каноническим сформировавшее право королевское. В этой главе пойдет речь о евреях в каноническом праве — в буллах понтифика, в канонах соборов, — которое определяло статус евреев в папском государстве и — в зависимости от послушности местных светских властей — во всем западном христианском мире.

В основе канонического лежало римское, преимущественно уже христианское римское право и, прежде всего, Кодекс Феодосия — составленный в 430-х годах свод римских законов, принятых после христианизации империи по Миланскому эдикту 312 года. Законы о евреях сосредоточены в XVI книге Кодекса, прежде

Рукопись VI века, содержащая VI–VIII книги Кодекса Феодосия.
Национальная библиотека Франции

всего, в VIII и IX ее титулах. В этой книге идет речь также о еретиках — и это показывает, что евреи понимались как религиозная группа («секта иудеев»). Языческая римская толерантность, предоставлявшая свободу вероисповедания, а с Эдикта Каракаллы 212 года — и гражданство всем жителям империи, соседствует здесь с христианскими рестрикциями. «Совершенно очевидно, что секта иудеев не запрещена никаким законом», — утверждает

Кодекс Феодосия и гарантирует ей, в частности, свободу религиозных собраний и соблюдения субботы, неприкосновенность личности и собственности евреев, а также синагог, наличие собственных сборщиков налогов и защиту от оскорблений для еврейских старейшин, «священников», «вождей синагоги». В то же время Кодекс именуется иудаизм «суеверием» (*superstitio*), закрепляя понятие «вера» (*religio*) исключительно за христианством, предостерегает евреев от того, чтобы «возгордиться и решить как-либо посягнуть на христианскую веру», запрещает строить новые синагоги, запрещает оскорблять христианскую веру (например, путем сожжения на праздник Пурим креста в память о виселице Амана), жениться на христианках, поступать на военную службу и занимать судебные должности, получая таким образом власть над христианами. Теме рабов-христиан посвящен целый IX титул. Там говорится: «Пусть иудей не владеет рабом-христианином» — и под страхом смертной казни запрещается вводить раба «в скверну своей секты».

Та же амбивалентность сохраняется в других авторитетнейших христианских римских правовых сводах — Кодексе и Новеллах византийского императора Юстиниана (VI век), где многое заимствовано из Феодосия, но евреи больше сближаются с еретиками. В частности, Юстиниан покушался на их религиозную практику, пытаясь запретить Мишну, первый свод постбиблейского раввинистического права, на том основании, что в ней нет ничего небесного и божественного — только выдумки земных людей. На Западе Юстиниан был менее известен и авторитетен, чем более умеренный в еврейском вопросе Феодосий, который оставался актуальным юридическим источником для канонистов.

Если каноны поместных и вселенских соборов, как правило, носили запретительный и ограничительный антииудейский характер, то в папских посланиях и буллах сохранялась двойственность, свойственная Кодексу Феодосия. Принципиально также учитывать существенные расхождения между риторикой, теорией и практикой римских пап в еврейском вопросе: риторика их могла быть яростно юдофобной, теория — то есть законы, призванные регулировать статус евреев во всей католической Европе, — бывала гораздо сдержаннее риторики, а практика, то есть

отношение к евреям — подданным Папской области, еще снисходительнее, поскольку прагматичнее.

Далее рассмотрим наиболее заметные выступления влиятельных пап по еврейскому вопросу и канонические законы, регулирующие статус и права евреев в христианском обществе.

Раннесредневековый папа Геласий I (годы понтификата: 492–496), первый заметный теоретик папской власти, был автором учения о двух мечях — духовной власти и светской, из которых меч духовной важнее: бремя священников тяжелее бремени царей, поскольку они несут ответственность за царей. В своей риторике Геласий был юдофобом. К примеру, писал следующее: «Целое часто называется по своей части» — так иудеи называются по имени Иуды, про которого сказано, что он — Дьявол (Иоан 6:71). Однако на практике дела обстояли иначе. У Геласия был приближенный еврей, и он протезировал его отцу — специально просил одного епископа взять того на службу:

Весьма выдающийся человек из Телесии, хотя он и придерживается иудейских верований, так стремился получить Наше одобрение, что мы по праву должны называть его одним из Наших. Он особо просил за своего отца Антония, с тем чтобы мы рекомендовали его Вашей милости. И подобает, Брат, чтобы ты поступил с уважением к вышесказанному и с почтением отнесся к Нашей воле и Нашему приказанию и чтобы этот человек не только не испытывал никакого притеснения, но напротив, возрадовался бы, получив любую требуемую ему поддержку Вашей милости^{*}.

А получив жалобу одного раба на то, что его, христианина, насильственно обрезал его хозяин-еврей, Геласий не спешил наказывать, но назначил епископское расследование, заметив, что как еврей мог нарушить закон и покуситься на своего раба, тем самым оскорбив христианскую веру, так и раб может лгать и наговаривать на своего хозяина с целью получить вольную.

* Здесь и далее перевод автора, если не указано иначе и за исключением канонических текстов.

Спустя столетие после Геласия ту же неоднозначность в своей еврейской политике проявлял другой выдающийся папа и Отец Церкви Григорий Великий (590–603), во многом определивший политику последующих пап по еврейскому вопросу. В своей риторике Григорий был довольно суров, как правило, называя иудаизм не только «суеверием» (*superstitio*), которое может «загрязнить» христианскую веру и обмануть простых христиан, но и «бедствием» (*perditio*). Разумеется, как глава христианской церкви, он желал бы исчезновения этого «ветхого» верования и обращения евреев в христианство. Но в то беспокойное время, когда византийский император более не обладал политической властью в Италии, и все гражданские вопросы приходилось решать папе, перед лицом новых возможных войн ему был необходим гражданский мир, в частности лояльность евреев и лояльность по отношению к евреям. И Григорий в своей булле *Sicut Judaeis* («Подобно тому как иудеям...» — буллы называются по первым словам), ставшей основой будущих папских «конституций об иудеях», сформулировал принцип баланса защиты и ограничений: «Подобно тому как иудеям не должно давать разрешения делать в их синагогах что-либо сверх того, что позволено законам, так и в том, что дозволено им, они не должны терпеть никакого ущерба».

На практике ему приходилось решать три проблемы: наличия рабов-христиан у еврейских хозяев, оскорбления еврейской религии и мирного привлечения евреев в лоно церкви.

Реагируя на доносы о том, что евреи покупали христиан в рабство, а то и совращали рабов-христиан в иудаизм, Григорий написал множество писем — франкской королеве Брунгильде, епископам, священникам, требуя, чтобы все евреи-рабовладельцы в течение 40 дней продали своих рабов-христиан христианам и чтобы впредь, если раб-язычник лишь выразит желание креститься, его уже нельзя было бы продавать еврею. В то же время он защищал право евреев на исповедание своей религии, в частности, неприкосновенность синагог, настаивая на том, что привлекать иудеев в лоно церкви нужно добротой и силой убеждения, а не насилием, угрозами и репрессиями. В рамках этого метода «пряника» он советовал уменьшать налоговое бремя для крестившихся

Якопо Виньяли. Св. Григорий Великий. Ок. 1630.
Художественный музей Уолтерс, США

евреев, обедневших после своего крещения вследствие потери дохода в еврейской общине или наследства, — даже назначать им умеренную пенсию. Очевидно, епископы слушались его через раз (что верно для папства той эпохи в целом). Ему возражали, что такие обращенные будут неискренни, выбирая христианство ради пенсии, а не ради веры в Иисуса, на что Григорий отвечал, что зато

их дети будут более искренни. Были и возражения с другой стороны, от тех клириков, кто мечтал дешево и сердито решить еврейский вопрос путем принудительного крещения, но папа строго запрещал это, указывая, что крещенные насильно при первой возможности отпадут обратно в иудаизм.

Вообще насильственное и принудительное крещение евреев в средневековой Европе как норма не практиковалось. Были более и менее массовые насильственные крещения в ходе погромов, когда евреи оказывались перед выбором: крещение или смерть, было принудительное обращение португальских евреев в христианство королем Мануэлом Счастливым уже на излете Средневековья, но эти случаи были исключительны и нелегитимны с точки зрения канонического права. Христианская церковь и вслед за ней монархи следовали принципу сохранения иудеев как таковых до второго пришествия как свидетелей истинности христианства; свидетельствовали они об этом как своим униженным положением, так и своим Писанием, то есть Ветхим Заветом, в котором христианские богословы видели множество указаний на Иисуса и его историю. Этот принцип сформулировал влиятельнейший отец церкви Августин Аврелий, комментируя библейский стих «Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ мой» (Пс 58:12). Он звучал на церковных соборах и, наконец, вошел в Декрет Грациана (ключевой памятник канонического права XII века): насильственное крещение воспрещалось, но побуждение к крещению проповедью поощрялось, а уже крещенных, пусть даже насильственно, следовало удерживать в христианской вере, ведь они уже причащались и вкушали Тело Христово и теперь их отпадение в иудаизм было бы оскорблением христианской веры и богохульством.

С первой половины XII века папы начинают издавать конституции о евреях, возможно, в ответ на ходатайство последних о защите в связи с погромами, совершаемыми крестоносцами, или какими-то иными эксцессами. Каждый новый папа переиздавал этот закон, чтобы он вновь вступал в силу; некоторые вносили в него дополнения. Приводимый здесь вариант был издан могущественным и крайне амбициозным папой Иннокентием III (1198–1216), и суровые вводный и заключительный абзацы (выделены курсивом) были добавлены им самим.

Конституция об иудеях

Хотя неверие евреев должно быть всячески порицаемо, но поскольку, тем не менее, через них наша собственная вера получает подлинное подтверждение, не следует тяжко притеснять их, как говорит пророк: «Не умерщвляй их, дабы не забыл народ мой» (Пс 58:12), как если бы он говорил более открыто: «Не истребляй евреев полностью, чтобы ежели вдруг христиане забудут Твой Закон, то евреи, хотя и не понимая его, сохранят его в своих книгах для тех, кто его понимает».

[Sicut Judaeis non] Подобно тому как не должно позволять евреям осмеливаться выходить за пределы того, что позволено им законом в их синагогах, так и в том, что было признано за ними, они не должны терпеть никакого ущемления. Эти люди желают скорее упорствовать в своей жестокостью, чем узнать откровения пророков и тайны Закона и прийти к постижению христианской веры, но поскольку тем не менее они нуждаются в Нашей защите, Мы — по кротости, подобающей христианскому благочестию, и следуя по пути наших предшественников доброй памяти, римских понтификов Каликста, Евгения, Александра, Климента и Целестина, принимаем их прошение и даруем им щит Нашего покровительства.

Ибо мы объявляем законом, чтобы ни один христианин не принуждал их против их воли насильно принять крещение. Но если кто-либо из них добровольно и ради веры перейдет к христианам, как только выбор его станет очевидным, пусть будет крещен в христиане без каких-либо клеветнических измышлений. Тот же, про кого известно, что он пришел к крещению не добровольно, но под принуждением, не может считаться обладателем подлинной веры христианской.

Также ни один христианин да не осмелится без соответствующего судебного решения местной власти злобно наносить им телесные повреждения или насильственно отнимать их собственность или менять добрые обычаи, которые были у них по сей день, в каком бы месте они ни проживали.

Кроме того, никто не должен мешать им праздновать их праздники, побивая их палками или камнями, и также никто не должен

требовать с них служб и работ, которые они не должны выполнять, кроме тех, которые они привыкли выполнять с давних времен.

В дополнение к этому мы постановляем, препятствуя нечестию и жадности злых людей, что никто не должен портить или отнимать землю у еврейского кладбища, а также выкапывать захороненные тела с целью найти деньги.

Если же кто-либо тем не менее осмелится, зная содержание этого закона, пойти против него — да не случится подобного! — да будет наказан наказанием отлучения, если только не исправит свой поступок, соответственно возместив нанесенный ущерб.

Мы желаем, однако, чтобы только те были ограждены защитой сего покровительства, кто не лелеет помыслы о подрыве христианской веры.

Дано в Латеране, записано рукою Райнальда, архиепископа Ачеренцкого, действующего от имени канцлера, в 17 день перед октябрьскими календами, во второй индикт, в 1199 год от воплощения Господня и во второй год понтификата господина папы Иннокентия III.

Понтификат Иннокентия III — это расцвет средневекового папства, апогей папоцезаризма, учения, согласно которому римский понтифик, как наместник Бога на земле — а Иннокентий первым из пап стал называть себя «викарием Христа» вместо «викария Петра», — обладает не только духовной, но и светской властью, и потому венценосные особы должны ему подчиняться. В плане еврейской политики папства понтификат Иннокентия считается худшим периодом. Историк XIX века, отец еврейской исторической науки Генрих Грец даже называет правление Иннокентия и смерть великого ученого Моисея Маймонида в 1204 году двумя главными бедствиями для евреев того времени. Проповеди Иннокентия изобиловали инвективами в адрес иудаизма: он плотский и демонический, близкий к идолопоклонству и греховный, евреи виновны в распятии Христа и регулярном оскорблении христианской веры через насмешки над христианами или строительство слишком просторных синагог, превосходящих церкви по площади. Папа возмущался феодалами, которые вместо того, чтобы держать евреев в черном теле и тем самым

пробуждать в них мысли о переходе в христианство, покровительствовали им и поощряли ростовщичество — профессию, распространенную среди евреев в связи с тем, что III Латеранский собор 1179 года запретил ее христианам на основании библейской заповеди «не давать в рост брату своему» (Втор 23:19), а евреев к этому моменту эффективно вытесняли из других профессий — земледелия и ремесла. Под покровительством сеньоров еврей-ростовщики за долги отнимали имения церковных приходов и те теряли свою десятину. Кроме того, они имели наглость непригодное им по законам кашрута мясо и вино продавать христианам. К одному такому графу Иннокентий обращался многократно со все возрастающей угрозой: «мы просим», «мы предупреждаем», «мы требуем», «мы приказываем [...] чтобы нам не пришлось самим приложить руки к исправлению этого зла». Гневного письма удостоился и кастильский король Альфонсо, под властью которого, по мнению папы, «Синагога разрасталась, а Церковь уменьшалась».

Тут надо заметить, что «приложить руки к исправлению этого зла» папы особенно и не могли, так как не имели способов прямого воздействия на евреев. В церковном арсенале методов имелось лишь отлучение от церкви, которому, разумеется, можно было подвергнуть лишь христианина. Поэтому, желая наказать еврея, клирики приказывали христианам не иметь с ним дел под страхом отлучения.

При этом Иннокентий заботился об обратившихся евреях, требуя от епископов особого внимания к ним и оказания материальной помощи, чтобы они, не дай бог, не отпали обратно в иудаизм из-за бедности. Важное нововведение — Иннокентий стал признавать действительными их прежние браки, заключенные в бытность их иудеями, даже левиратные (браки женщины с братом умершего мужа), запрещенные церковью, ссылаясь при этом на евангельский стих «что Бог сочетал, того человек пусть не разлучает» (Мф 19:6). По-видимому, Иннокентию были свойственны эсхатологические настроения: в своих письмах он обещал, что скоро произойдет единение Востока и Запада, византийского и римского христианства под властью апостольского престола, а затем и единение с иноверцами.